

Марк
Андреев

Господа
убийцы

Марк Андреев

Господа убийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11277295

ISBN 978-5-4474-1548-8

Аннотация

В мирной и процветающей империи потомков Карла Великого II, которая простирается от Атлантики до Урала, почти не осталось опасностей. За тем, чтобы все было именно так, наблюдают маги на государственной службе, полиция и контрразведка... Но самая тяжелая работа достается убийцам на службе царствующего дома.

Содержание

Одинокий единорог	5
Тени суровых времен	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Господа убийцы

Повесть о магах и их скуке

Марк Андреев

© Марк Андреев, 2015

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Одинокий единорог

Такие заметки, как эти, полагается начинать сначала. Т. е. с самого начала: кто, откуда, зачем и о чем, собственно. Требование короны.

Ну и пожалуйста. Сейчас 2 июня 2010 года. Я Анджей Янкель, 32 года и 9 месяцев, наемный убийца на службе имперской короны. Происхожу из не самого знатного и богатого, но и не так, чтобы уж слишком захудалого шляхетского рода. За слова «жидовская шляхта» спяну могу покалечить. Стрезва понимаю, что ничего обидного в этих словах нет: и вправду еще четыре века назад предки мои шляхтой не были, а были в Литве башмачниками и исповедовали не христианство, а Закон Моисея. За четыре века от еврейства в нашем роду осталась разве что фамилия, да и то...

Наемным убийцей стал семь лет назад. До этого закончил Люблинский университет и аспирантуру в Московском. Историк, диссертацию посвятил холодному оружию XIV века.

Любимое современное оружие – имперский кортик. Обычно ношу сразу три: два на правом боку и один на левом. Пистолетов, особенно автоматических, не люблю. Предпочитаю револьверы. Маг первой польской королевской, пер-

вой испанской королевской, высшей общеимперской категорий. Так себе маг, если честно, бывают много лучше.

В качестве собственно убийцы работал всего однажды. Ничего интересного – зарегистрированная вражда двух довольно бедных родов в Андалузии. Те, кого мне было поручено истребить, истреблены. Те, кто меня нанял в соответствии с имперскими нормами вендетты, выплачивая мне гонорар, полностью разорились (кто не знает, убийца не может отказаться от гонорара, уменьшить или увеличить его размер – это одна из немногих вещей в нашей деятельности, за которой Интерпол следит действительно серьезно).

Тем не менее, заработал определенную славу, как и все, кто не относится формально к званию майора имперской интернациональной полиции и не гнушается работой на внутреннюю разведку королевства пребывания. (Самое распространенное заблуждение по поводу убийц состоит в том, что они – обычные граждане империи. Сие неправда: мы единственные граждане империи. Все остальные являются подданными отдельных королевств. Мы подчиняемся только имперской короне.)

Кажется, все... Нет, забыл главное: до сегодняшнего дня являлся правым подручным убийцы Вилемира Вольского. С сегодняшнего дня сам могу набирать подручных, так как

учитель мой умер. Пока не расскажу, каково мне с ним было, собственных подручных набирать не посмею. А рассказывать придется долго и, как это обычно бывает, все больше о себе, а не о нем...

Лодзь – мерзкое место. Наверное, жители этого города придерживаются другого мнения. Но я – именно этого. Почему? Очень просто. Все время, что мы прожили в Лодзи – неделю – шел дождь. Черт его побери совсем. Все местные ворожеи, колдуны, знахари и прочие, надо полагать, боролись с этим бедствием. Но плохо боролись.

Для двух магов первой категории разогнать тучи не составляло труда. Вилемир, однако, запретил. Правильно запретил – работу двух магов такого уровня, как мы (да и просто университетского уровня), не заметить нельзя. Нашим противником был маг. Имело смысл надеяться, что он не знает, есть ли в Лодзи другие маги.

Имело также смысл надеяться, что мы узнаем еще хоть что-нибудь, кроме того немудреного факта, что нам противостоит маг. Ну хотя бы: что с ним, идиотом, делать?

Ситуация была – хуже не придумаешь. Где-то в горо-

де Лодзь – так себе городишко, когда-то центр текстильной промышленности, но к концу века окончательно зачах – имеется маг. За каким-то бесом (а может, для какого-то бе-са – так тоже бывает, хотя и редко) ему необходимо очень много человеческой крови. Вообще-то этот товар, как и любой другой, можно купить легально. Почти в любых количествах – продается для магических лабораторий, начиная со второй имперской категории, и зарегистрированных вампиров по твердым расценкам. Недорого. Однако у этого мерзавца нет либо регистрации, либо категории, либо денег. А силы есть. Поэтому он убивает трех человек в месяц, используя единственное заклинание – скандинавский гагль. И полностью освобождает трупы от крови. Заклинание – это почерк. Вот только почерк этот никому не принадлежит. Нет на свете сколько-нибудь известного мага, который предпочитал бы не что-нибудь другое, а вот именно вздергивать противника на невидимую виселицу в виде буквы Г.

– Ничего сложного в этом заклинании нет – а странно-го много, – сказал мне Вилемир. – Тебя, например, никогда не учили древней скандинавской боевой магии. И совершенно правильно делали. Все это наследие викингов местами очень красиво, но всегда нерационально. Для того, чтобы убить человека таким образом, надо, во-первых, иметь в руках соответствующую руну – причем выполненную исключительно из березы, вымоченной в волнах Балтийского мо-

ря, а во-вторых, стоять с противником лицом к лицу.

– Положим, противников у него здесь нет, – сказал я.

– Положим, никто не ходит на охоту, будучи уверенным в этом до конца. Даже вампир-маньяк.

– Вампиру не нужно столько крови...

– Ему и полстолько не нужно. Скажите мне, господин имперский убийца, сколько человек убивает среднестатистический «сорванный» вампир?

– Не более четырех в год, – отвечивал я мрачно.

– А сколько – чтобы ты не думал больше над этим, как над версией – нужно очень прожорливому демону? Не было в ваших справочниках? Не более одного литра в месяц. Демоны мало едят – материальная основа совсем другая.

– Тогда для чего ему кровь?

– Это и в самом деле вопрос...

Вилемиру было тяжело. Он был легкий, жилистый и очень опасный в рукопашной схватке. Как и в любой другой схват-

ке. Но двигаться он не любил. Он любил жить в Минске, в небольшом доме посреди очень большого и не очень ухоженного яблочного сада и не работать. Проблема в том, что работать ему приходилось постоянно – так он понимал чувство долга. До расследований для полиции, тем более местной, он, конечно, обычно не снисходил. Но в этот раз деваться было некуда: подручный всего один и слишком молодой, хоть и зарегистрированный уже как имперский убийца, а просьба пришла аж из самого Кракова, с подписью короля Яна – не факсимиле, собственная подпись! И способ доставки письма – магическая почта высшего разряда, с радугой королевских цветов... Очень испугались в Кракове неизвестного мага. Правильно, в общем, испугались – все маги Европы известны по именам, ни в одном королевстве, входящем в империю, нет больше сотни, все на службе, либо в университетах, либо в разведке... Ну, убийцы на худой конец. И нужды в деньгах уж точно ни один не испытывает. А тут неизвестно кто, неизвестно зачем и ясно, что силы копит!

В общем, король позвал имперского убийцу. Убийца собрался и поехал с подручным. Тоже убийцей. Итого, два убийцы из трех десятков имевшихся в Европе на один паршивый, насмерть перепуганный город. Плюс особые полномочия. То есть не просто полномочия офицеров имперской короны, нет. Королевский указ о шести рукописных страни-

цах. Вплоть до смещения воеводы. Право белого коня – городом можно распоряжаться, как взятым с бою.

Страх божий, а не бумага. Пользоваться ей, естественно, невозможно – попытайся только, и первым о нашем появлении на его дороге будет знать противник. И что он, по-вашему, сделает? Правильно, тут же переместится в пространстве куда-нибудь, скажем, в Моравию. И распоряжайтесь Лодзью, господа, как вам нравится, благо указ не имеет ограничения действия во времени.

Правда, противник у нас дурак. Только дурак может копить силу так открыто, в полной уверенности, что никто ничего не предпримет. Мы ведь можем его не разыскивать обычными методами. Мы можем просто насторожить ловушку и ждать его следующую жертву. Он ее возьмет, мы его возьмем... Человека только жалко. Убийцы так не работают. Мы живых бережем.

Тогда что? Тогда давайте, господин убийца, который помоложе, ноги в руки и ищите под дождем, – может, что-нибудь покажется необычным. Что будет самым неприметным из самого необычного, то на след и выведет.

Теоретически, в мэрии не знали, кто я. Практически – не знали, но полагали, что важный чин Интерпола – может

из Кракова, а может и из самого Ахена. Соответственно, лебезили и не верили, что от меня может произойти что-то, кроме неприятностей.

– Угодно вина? – спросила меня дама в красном.

Очень симпатичная дама, сравнительно молодая и более чем привлекательная. Занимается в мэрии, знаете ли, проблемами современной молодежи. Этак жеманно – современная молодежь, эти девочки... Университетское образование, превосходный социолог. Секретный сотрудник внутренней разведки, естественно. Впрочем, дремлющий сотрудник, на практике ни разу не действовавший. И не надо.

– Подогретого, если можно, – сказал я. – Дождь.

– Дождь может быть наведен эти мерзавцем?

Вот черт: она меня проверяет! Я точно знаю, что не может – никаких следов воздействия магических сил на погоду – но если я это знаю, значит, я маг.

– Мы не можем отбрасывать такую возможность.

Слуги в мэрии вышколены, что в твоём дворце воеводы. Бесшумно поставил на стол поднос, замер, бесшумно ушел.

– Тем не менее, вы исследуете не погоду, а странности в молодежной среде?

Это Вилемир додумался. Наш противник может быть талантлив, но слишком молод. И без всякого официального образования. Это редкость, но в принципе возможно. Бедняк, предположим, денег на школу у родителей нет, талант вовремя не распознали, учился по случайным книгам... Слишком много допущений, и все равно непонятно, зачем ему кровь, но возможно. Версия. Лучше, чем ничего. Это я и объяснил даме в красном.

А она мне ответила, что помочь не может. Странностей, мол, хватает, как везде. Но не индивидуальных. Коллективных странностей. Вот, скажем, последняя новость рабочих кварталов. Собираются три раза в месяц в заброшенном здании на окраине. Никакого насилия, никаких наркотиков, вообще ничего противоправного. Но зачем собираются? О чем говорят? Неясно. Опросы в гимназиях ничего не дают. Компания изменчива, постоянного ядра не обнаружено... А что за здание? Да недостроенный супермаркет. Компания-владелец прогорела, место не слишком выгодное, строительство велось с нарушениями, покупать законсервированный недострой никто не стал.

– Что они все-таки там делают?

– Скорее всего, ничего. Я думаю, это подобие современного ночного клуба для самых бедных. И уж к вашей теме это точно не может иметь касательства.

– Да уж...

Дама в красном звалась Анжелой («Анжеликой?» – уточнил было я. Нет, именно Анжелой) и была весьма не прочь выпить со мной вечером подогретого же вина с возможным продолжением отношений. И я был не против. В особенности – возможного продолжения. Как обычно в таких случаях, все пошло не так. Дремлющий агент вспомнил о своем предназначении. Не разоблаченный агент – я то есть – подвергся бессмысленному магическому нападению. Меня проверили на предмет защиты. Проверка прошла удачно – сгоряча и в порыве страсти я саданул в ответ тем, что под палочку подвернулось (это у нас в Москве так шутили – как будто кто-то таскает с собой магические жезлы куда-то, кроме церемоний получения орденов), и отправил милую даму в глубокий обморок. Вернувшись оттуда, она так радостно сказала мне, что я убийца, что возражать было как-то нелепо.

Не бывает в провинциальном городе ничего странного. Кто не верит, тот дурак. И уж точно не в молодежной сре-

де. Я не социолог. И не специалист по общественным странностям. Но, как говорится, ясно даже и ежу – ничего не может быть в молодежной компании в провинции такого, что прежде не опробовали бы столичные сверстники. Если же зародится что-то действительно для этой среды жизнеспособное, что ж – современные средства связи, и не только магические, живо разнесут новость по всей империи. Странность останется странностью, но встречаться будет не в одном городе, а в сотнях городов, в тысячах компаний. Превратится в феномен.

Это – общее место. Общим местам не верь, говорили мои учителя, в общих, читай, общественных местах, проще всего спрятать засаду.

В Лодзи вообще нет ничего странного – город как город, только что под дождем. Молодежи мало. Какая есть – из бедных семей. Модный современный ночной клуб, понятно, только один. Большинство побывать там только мечтает. Но надо же что-то делать – и они собираются в недостроенном универмаге. Все просто.

– Все настолько просто, что ты похож на дурака, – сказал Вилемир. – Эта твоя курица не понимает главного: никто никогда не собирается кучей абсолютно бесцельно. Они молоды? Тогда где шум и драка? Где попытки достать деньги,

чтобы не отличаться от тех, кто богаче? Где наркотики? Где хотя бы венерические болезни?

– Именно поэтому моя курица ими и не интересуется. Они общественно безопасны.

– Общественно опасно не то, что нарушает приличия. Общественно опасно странное, – старый маг вдруг жестко усмехнулся.

О том, что Вилемир в самом деле очень стар, я задумываюсь редко. А о том, насколько, собственно, он стар – никогда. Совершенно ясно, что он принимал участие в становлении нынешней империи и, вероятно, знал Карла Великого II лично. Это значит, что в середине XVIII века он был уже вполне сформировавшимся магом-воином. Как давно? Он не отвечает на это даже в официальных анкетах. Он любит двуручные мечи. Не просто знает, как пользоваться, не выбирает для демонстрации особых приемов, нет. Он их любит. Это о многом говорит. А телевизоры он ненавидит. И современную женскую одежду, начиная с белья, воспринимает с некоторой брезгливостью...

– Не отвлекайся. Странное вообще-то не всегда противозаконно. Оно может даже вести общество к благу. Когда-нибудь в будущем. Но для общества, какое оно есть, странное

опасно. А уж в нашем случае... Чем они там занимаются, Анджей? Если не любовью и не воровством, если там нет крови... Нет ли там крови?

Крови вокруг универмага хватало. Именно той крови, которой господа имперские убийцы так живо интересовались. Наш неизвестный противник появлялся там с завидной регулярностью. Не то чтобы чаще, чем на других окраинах, впрочем. И оставлял так же мало следов. За два дня я облазил окрестности бывшей стройки с тщательностью, достойной героя древности, которые, надо полагать, такими глупостями заниматься и не думали. Анжела мне споспешествовала. Первые часа три. Потом устала и сообщила, что будет дома. А может, в кабинете. А может, в кафе. Есть одно такое кафе на площади Первых побед, так вот там. В общем, как освободишься, заходи, совсем тебя твой начальник не жалеет, бедный ты. «Я богатый, – сказал я мрачно, – ужас просто, сколько у меня денег». И полез в канаву за очередной разбитой бутылкой.

– Ты опять дурак, – сообщил мне Вилемир вечером. – Не обижайся, но сидя здесь и слушая тебя, я почему-то узнаю гораздо больше, чем ты со своими подручными.

– Нет у меня подручных.

– И напрасно. По канавам пусть местная полиция лазает. Все равно ничего не найдут.

– А что нужно искать?

– Детский труп, лишенный крови. Труп подростка, если быть точным. Любого пола подростка.

– За последнее время...

– Именно. Погибал кто угодно. Местные и приезжие. Мужчины и женщины. Старики и молодые. Но не дети. И более того. Это всего лишь предчувствие, но.... Ни у кого из погибших в Лодзи не было детей, я тебя уверяю. Вели проверить по архивам.

– Во имя волшебства, зачем подросткам кровь взрослых?!

– Я не знаю, Анджей. Я только думаю, что с десятком молодых, пусть даже напоенных силой от пуза магов ты справишься без труда – они же неученые. Вдвоем мы справимся с сотней. А сколько девочек и мальчиков прошло через этот «клуб»?

– В разное время – почти все бедняки Лодзи, – сказала Анжела. – Больше восьми тысяч детей. Никто не задержа-

вался там подолгу...

– Восемь тысяч бойцов, и у каждого гагль, и, вероятно, другие руны, – сказал Вилемир. – Там должен быть кто-то главный. Вы еще не поняли, дети, что он создал, этот мерзавец?

Дети (один убийца и один агент разведки, обоим больше двадцати восьми) покачали головами.

– Он создал боевой орден. Восемь тысяч бойцов. Вероятно, строгая дисциплина. Вероятно, отличные возможности для мобилизации сил. И сверхмаскировка. Черт, я думаю, он здорово потешался над нашими поисками. Мы ничего не нашли – а он имеет под рукой лучшую боевую силу империи. Скованную кровью. Это почти наверняка было сковывающее заклятие. Причем из самых простых. И действенное, не разбить...

– Нужно вызвать имперскую конницу, – сказал я. Применить наше право, уничтожить...

– Что? Универмаг? Там почти наверняка нет ничего ценного. А конница опоздает. А детей убивать не любит никто. Не все так просто, Анджей...

«Не все так просто» Вилемира означало, что мы до сих пор не знаем, что делать. Даже приблизительно. Как найти среди восьми тысяч подростков одного наиглавнейшего, который заварил эту кашу (Вилемир был убежден, что наш основатель невероятного по силе ордена по возрасту не слишком отличается от своих присных), – непонятно. И развалится ли после его гибели орден, неизвестно. Значит, мы будем делать вид, что ничего не поняли. И бродить по Лодзи, пока не осенит. Или пока не удастся поймать за руку хоть одного подростка, убивающего взрослого. Или пока они не решат, что надо начать действовать более решительно и... Что должно произойти тогда? Кому нужны несколько тысяч боевых магов-недоучек? Это очень много, понимал я, хватит на кровопролитную войну. Но война эта будет короткой. И победить в ней лодзинский мерзавец не сможет никак. С империей так запросто не потягнешься. Начни он претворять на имперской территории свой план, в чем бы он ни заключался, в жизнь и... Будет море крови. Потоки. Водопады. И будет поражение, потому что, как справедливо сказал Вилемир, только мы с ним вдвоем справимся с сотней недоучек. А у империи есть не только одиночки. У неё регулярная армия и колоссальный опыт магических битв. Что бы он ни задумал, наш противник, – это бессмысленно, понял я. Вилемир прав, только ребенок этого не поймет.

В Лодзи шел дождь. Дождь превращал не слишком краси-

вый провинциальный город в кошмар. Отвратительный такой кошмар в стиле русских классиков. Был среди них один такой любитель мокрых городов... Или даже не один... Серые стены. Даже если при солнце они цветные, в дождь – серые. Серые окна. Туман не туман (какой туман при дожде?!) – но дымка какая-то поднимается из-под ног. То, что из-под ног не поднимается, при каждом шаге хлюпает – это при том, что асфальт положен так же ровно, как в любом другом городе империи. Ну, может, чуть поуже. Ветер не то чтобы сильный, но как раз такой, чтобы сделать общую обстановку еще гадостнее. Проезжающих мало. Лошади угрюмые, автомобили (в Лодзи таки есть автомобили, все-таки империя) кажутся еще угрюмее лошадей. Прохожие втягивают головы в плечи и закрываются от ветра зонтами. Те, что без зонтов – как я, например – являют собой примеры печального мужества. По лицам стекает вода. И по рукавам. И по подолам. Мерзейший пейзаж. Совершенно не похоже на нормальный сентябрь.

Я гулял по городу по собственной инициативе. Не из мазохизма. Просто мне казалось, что Вилемир где-то не прав. Где-то слишком испугался. В его рассуждениях мысль о восьми тысячах убийц странным образом не сходилась с реальностью того дела, за которое мы взялись. В какой-то очень четко фиксируемой, если только постараться, точке. Я хотел эту точку найти. Мне не нравилась мысль о городе,

переполненном малолетними убийцами.

– Господин прохожий, подождите. Посмотрите, что я вам...

Она была не просто неумелой, эта девочка. У нее вообще почти не было в запасе заклинаний. Простейшим из дешевых трюков она пыталась вынудить меня зафиксировать внимание на том, что держала в руках. Кусочек дерева, выточенный в форме виселицы. Гагль должен был ударить и ударил. И столкнулся с жесткой защитой профессионала. Я попросту отмахнулся левой рукой, вложив в этот жест на всякий случай чудовищную энергию. Заряд смерти растворился в моем щите. Гагль в руках маленькой убийцы обуглился. А я, не теребя разгона, положил на нее «связующее». И добавил хороший удар основанием ладони в лоб. И поволок под мышки к месту постоянной дислокации имперских убийц. Перед самой гостиницей пришлось взвалить пленницу на плечо, предварительно сделав невидимой. Удобнее для переноски она от этого не стала.

– Я понял, в чем ты не прав, Вилемир.

– Ну-ка, ну-ка...

Вообще-то Вилемир отнюдь не страдает комплексом пре-

подавателя. Его «ну-ка» относилось не ко мне и не к моей добыче, а исключительно к куску сливового пирога. Пирог следовало осторожно освободить от промасленной бумаги, в которую его завернули в кафе по случаю дождя. Сливовый пирог был общей слабостью всех участников заседания, не исключая Анжелу. Впрочем, она, возможно, просто хотела сделать нам приятное. Я отхлебнул кофе.

– Восемь тысяч убийц не могли...

Вилемир невесело засмеялся.

– Я знаю, что убийство не было для них частью посвящения, Анджей. Кровь использовалась как ингредиент, просто как связующее звено. Зачем вам нужна была кровь?

Наша пленница очнулась. Какой я молодец – не убил, хотя имел полное право и был все-таки порядком перепуган.

– Он хочет пить, старый маг.

Это Вилемир – старый маг. А кто хочет пить, пока не ясно.

– И есть он тоже хочет. Но мы не знаем, чем еще его можно кормить. За кровь он благодарит. Мы так думаем.

– Кто он?

Вилемир очень спокоен. Слишком. Происходящее намного страшнее той картины, что он себе и мне нарисовал накануне. Нет никакого магического ордена. Нет борьбы за власть. Кровь пьет всего одно существо. Выпив столько крови, оно могло увеличить свое могущество многократно. Можно предположить, что изначальные возможности у него тоже, вероятно, не сахар... Во что влипло королевство?

– Его нельзя называть.

– Не по имени. По типу, – мягко попросил Вилемир, – Не называй его. Просто скажи, какой он. И, Бога ради, где вы его взяли?

– Он пришел сам. Вошел и встал. Я его не могу описать. Смотреть на него нельзя.

Девочка совершенно не боялась. Ни нас, ни того, для кого собиралась добывать кровь. Ни самой крови.

– Маленькая, скажи, сколько вас всего?

– Нас совсем мало. Шестеро. Мы звали всех. Но большинство ребят просто не верит, что в старом доме может быть

что-то чудесное. И когда смотрят, не видят. Нет, я думаю, они видят, но им кажется, что ничего нет. А может, он закрывается почти от всех. А людей убивать нельзя. Только он лучше всех людей. Чтобы он жил...

Во имя магии, это серьезно. Чтобы таинственный «он» был жив, можно всех к чертям истребить. И не поморщиться. По крайней мере, дети так думают. И именно так и действуют. Убивая одиноких взрослых. Мрак.

Дело, в общем, было гнусное, но, по крайней мере, теперь ясное. Кто-то где-то создал отвратительное чудовище – ино-мировым демоном оно быть не могло, поскольку демоны, слава Вилемиру-всезнайке, очень мало едят. Чудовище почему-то не осталось там, где его создали, а убралось оттуда в Лодзь, нашло себе кормильцев – уж по каким признакам оно одним показывалось, а другим нет, оно и само, наверное, плохо знало, создало условия, при которых всем подросткам пребывание в старом недостроенном здании казалось захватывающим приключением – никто ведь ничего никому не рассказал и... И что? Оно не силы копило. Оно просто боролось за выживание, это чудовище. А мне предстояло заняться по-настоящему знакомым и понятным мне делом. То есть отправиться в старое недостроенное здание, найти там скрывающееся неизвестно что – от девчонки мы узнали только, что оно ходит на четырех ногах и никаких рук вро-

де бы не имеет, зато имеет «пронзающий меч» непонятно на какой части тела – и убить его как можно чище и быстрее. После чего, пользуясь правом и обязанностью королевского приказа, истребить всех, кто собирал для него кровь, хотя детей убивать, конечно, нельзя. Но и оставлять их в живых после всего... Пусть даже они не виноваты, а просто очень слабы... Пусть даже единственное известное им заклинание получили от своего страшного руководителя и, возможно, забудут после его смерти, как им пользоваться.

Девчонку Вилемир убил сам. «Это для меня ничего не изменит, карлик», – сказал он и испепелил ее. Беззвучно. Быстро. Высококласно. И какого карлика он имел в виду?

Недостроенный универмаг я еще не описывал. И тут бы не описывал, да вроде по законам жанра положено. Получайте: здание универмага было безобразным в буквальном значении этого чудесного слова – оно не будило в сознании наблюдателя никакого образа. Коробка и коробка. Кирпичная. Синяя – есть такой не очень дешевый цветной кирпич, некоторые экономят на штукатурке. Здоровенные окна без стекол. Какие-то угловатые пристройки. Лужи перед входом. Темнота. То есть ночь еще не наступила, но уже собиралась это сделать. А заката за тучами не видно.

Я подошел к зданию один. Вилемир, вдруг, видимо, все

понявший и от этого выглядевший очень старым и грустным, мне ничего объяснять не стал, сказал только, чтобы я на короткой дистанции берегся и лучше бил чем-нибудь холодным прямо от входа.

– А сам я с тобой не пойду, мальчик. Нет... – он никогда раньше не звал меня мальчиком. – Я старый. Мне страшно разочаровываться. Обыкновенный зверь, да... Пьет кровь, она же горячая... Ты только не вставай близко к голове и задним ногам. И не сохраняй этот его меч, ни к чему.

И вышел через заднюю дверь – дело было в холле гостиной. Ссутулившись вышел. Опираясь на трость. В трости был великолепный клинок, но я понимал, что оружие ему не нужно. Он просто искал в привычной вещи опору.

Я тоже искал опору в привычных вещах. У меня было два револьвера, тяжелый магазинный арбалет из тех, что любит стража на всех имперских границах, не очень длинный меч за спиной, кортик на левом бедре и с десяток активированных заклинаний – все «холодные». На первом плане я держал «широкий меч льда», который имеет еще кучу всяких названий и остужает противника одновременно с разрубанием оного. Я вошел, сутулясь, как Вилемир, потому что высокий рост может пугать противника раньше времени. Меня ждали.

По мне ударили в пять гаглей разом, усилив руну ненавистью так, как это могут только очень испуганные дети. Я шарахнулся в сторону разлапистым прыжком – руна требует точной наводки – и широкий холодный меч, состоящий из усталости, страха и неразделенной любви, а также из трав, растущих на могильных холмах моей Польши, ударил сверху вниз слева направо, убыстряясь к концу. Я положил четверых – последний был проворен. Он закричал, как... Не знаю, как кто. Как не-человек. Как жеребенок. У него в запасе, кроме руны, был еще огненный вал, который покатился по недостроенному торговому залу от стены до стены, но не очень высоко. Я его просто перепрыгнул и выстрелил из арбалета три раза, быстро вода рамой справа налево. Ему досталось две стрелы, одна в голову, он упал беззвучно. Вилемир был прав – ему тут было нечего делать. Слишком просто даже для одного убийцы.

Посредине зала была лестница. По-моему, ее собирались выложить мрамором, но не успели. Она вела на галерею, которая должна была стать верхним торговым залом. Я пошел наверх без арбалета, взяв по револьверу в каждую руку. Я был вне себя, в том состоянии, которое неумно именуют боевым трансом. Меня заставили убивать детей, в которых не осталось ничего похожего на меня, а я – человек.

Меня опять ждали – но не с тем, чтобы убивать. Я увидел – на том уровне, который достигим не сразу – мерцающий силуэт вроде бы коня. Я понимал, что его невидимость – защитная окраска, что он материален. Я стрелял очень точно, в голову, по три раза с каждой руки. Он сказал мне: «спасибо». Горячо, сказал он, приятно.

Теперь я его видел очень ясно – и понял Вилемира, только я никогда не любил этих сказок, в моих сказках были мечи и сражения, а любви мне хватало наяву. Это был единорог, белый, мужского пола, и в самом деле с мечом – блистающим из середины лба полуторным клинком вроде тех, которые еще до империи любили в Испании. Ему было холодно, потому что единороги вообще не приспособлены к жизни в нашем мире, в наших широтах и в одиночку. Они умеют жить только парами, согревая друг друга. Они хищные звери и не могут относиться к людям иначе, чем к любой другой добыче. Их приручают, правда, когда есть надобность, но и они могут приручить – например, нескольких детей из самых романтических, дав им силы убивать там, где сами единороги слишком беззащитны. Ради тепла. Пули ему не могли причинить вреда, но заклинания мне тоже не понадобились. Я крикнул так же, как тот мальчик внизу, только тон изменил – и это был вызов. Он наклонил голову. Я расстелился в сторону в позиции низко сидящей птицы и ударил мечом – холодной сталью – снова справа налево, сразу

подрубив ему передние ноги. А потом отсек голову. А потом испепелил останки. С шорохом. Потому что высшая категория высшего шика не обеспечивает.

Единорог был приручен недавно и плохо. Он сбежал из лаборатории где-то на севере (мне плевать было, где именно) и за одну ночь пересек полконтинента, двигаясь к теплу. Но потом обессилел и зашел в недостроенный дом умирать. А там были дети, которые играли в ночной клуб. Их было мало. Часть была достаточно чувствительна, чтобы проникнуться любовью к дивному существу и начать его согревать. Они не знали, что ему нужно, а он сам знал не очень твердо. Грустная сказка.

– Но не грустнее многих других, – сказал Вилемир. – А мы с тобой едем в Ахен.

Тени суровых времен

Ахен – не самый большой город империи. И не самый старый. И, надо полагать, не самый красивый, хотя это, конечно, вопрос вкуса. В чем он наверняка «самый-самый», так это в богатстве и в относительной безопасности жителей от разнообразного магического зла. Как всем известно, здесь сконцентрированы лучшие маги-защитники современного мира, не считая обычных войск, полиции и спецслужб. Однако «самый безопасный» не значит «абсолютно безопасный». Очень жаль, поскольку я искренне собирался в Ахене отдохнуть, лакомиться рейнским вином и выгуливать по ресторанам какую-нибудь красотку. Вилемир мне сообщил, что дела в столице есть только у него и то дня на два. А потом, дескать, мы с ним можем позволить себе неторопливую и размеренную жизнь. Черта с два у нас это получилось.

Началось с того, что у нас сгорела гостиница. Не удивляйтесь: конечно, любой квалифицированный маг может остановить пожар, но мы как раз пошли в министерство финансов жалование получать. Ничего ценного в наших номерах не пропало (бумажные деньги не в счет), но когда тебя полдня опрашивают удивленные и смущенные полицейские, а затем ты тратишь вечер на покупку всего самого необходимого, начиная метательными стрелками и заканчивая зубной

щеткой, это выводит из себя.

Что до меня, я старался держать себя в руках, но Вилемир, который в смертельной опасности может быть нетороплив, как сытый индийский удав, почел за благо войти в образ желчного старого мага, которому портят заслуженный отдых. На орехи досталось последовательно: прислуге в новой гостинице, попытавшимся что-то выяснить при помощи магической связи офицерам императорской охраны («меня нет в живых! – рывкнул Вилемир, – я помер сто лет назад, ясно?!») и под занавес – вызванным для успокоения нервов местным прелестницам. Эти последние пострадали интеллектуально – мой учитель взялся растолковать им эстетические преимущества дамских туалетов доимперской эпохи перед мини-юбками. В общем-то, это было его личным делом, но расшалившийся Вилемир сделал так, что его речь была слышна и в моем номере. Гостиничная звукоизоляция, как физическая, так и магическая, была ему нипочем, а с моим сопротивлением он справился на второй минуте. На третьей я бежал из номера и из гостиницы на поиски собственных приключений. Вполне возможно, что это спасло мне жизнь: вернувшись, я обнаружил развалины уже второй по счету гостиницы в Ахене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.